

А. В. БАУЛО

Чохрынь-ойка — «Стрекоза-старик», «Нож-старик» — лесной врач, чиновник, спасатель

Таежные
святилища
мансийского
божества

Северные манси — одна из крупных локальных групп обских угров, а среди манси — единственная, сохраняющая живые следы традиционной культуры.

Влияние богов и духов манси на жизнь современного населения остается актуальным: при рождении ребенок получает собственного духа-защитника, личного покровителя, который сопровождает его всю жизнь. Кроме того, человек постоянно вступает в контакт с духами-хозяевами близлежащих территорий, которые чаще всего выполняют функции покровителей промыслов.

Как и у любого народа, у манси есть особо любимые и почитаемые божества. Их «популярность» в том числе выражается в количестве принадлежащих им святилищ. Один из наиболее известных духов-покровителей у северных манси — Чохрынь-ойка, покровительствующий главным занятиям манси — охоте, оленеводству и рыболовству

Чохрынь-ойка (*Сёхрынг-ойка*) «Стрекоза-старик», «Старик-нож» — один из наиболее известных духов-покровителей у северных манси.

Манси полагали, что Чохрынь-ойка летом живет в облике стрекозы, а зимой оборачивается человеком и ходит на лыжах с подволокой из выдры. В одном из сказаний его внешность описана и таким образом: «Снаружи вошел человек, он весь был покрыт ножами с узким лезвием и в руке у него был посох из чистого серебра, — это был Старик-нож».

Согласно представлениям манси, было семь братьев Чохрынь-ойка: один жил в Усть-Тапсуе, другой — в Халпауле на Северной Сосьве, третий — на Оби в юртах Неремовских около Березова, четвертый — ниже Березова в юртах Шайнинских, пятый — в Казыме, шестой — в Турсунтауле, седьмой — где-то ниже Обдорска (Kannisto, Liimola, 1958).

«Роли» Чохрынь-ойки

Считалось, что все живущие на земле духи платят дань младшему сыну Верховного бога Мир-сусне-хуму, а собирает ее Чохрынь-ойка. Из преданий, записанных А. Каннисто, известно еще об одной «административной» роли божества: состоявшийся однажды суд духов-покровителей над лесным духом, укравшим у вогула собаку, поручил вынесение приговора Чохрынь-ойке (*ibid.* s. 144).

Чохрынь-ойка был хорошо известен вогулам как лекарь: он «помогал» при ушных болезнях. Если болели и гноились уши или с возрастом терялся слух, обязательно готовили нож, заворачивали его в лоскут материи и отправляли на ближайшее святилище божества с просьбой о помощи.

Выступал он и защитником всех тех, кто оказался в трудной ситуации на воде: «...вогул Лобсинья на лодке задел за корягу — образовалась щель... Призвав своего покровителя Чохрынь-ойку на помощь, бросил ему в воду нож. Течь в лодке остановилась» (Носилов, 1904, с. 7). По рассказам

БАУЛО Аркадий Викторович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела музееведения Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск). Область научных интересов: традиционное мировоззрение и обрядовая практика народов севера Западной Сибири. Автор 10 монографий и более 90 статей

Ключевые слова: манси, этнография, Сибирь, божества, святилище.
Key words: Mansi, ethnography, Siberia, deity, holy place

Озеро Турват. 1990 г.

© А. В. Бауло, 2016

одного из информаторов А. Каннисто (начало XX в.), если в лодке образовалась течь, вокруг ножа наматывают три табачных листа, скрепляют их красной лентой, затем нож вгоняют в крышку каяка. Позже этот нож с попутчиком посылают хранителю Чохрынь-ойки (Kannisto, Liimola, 1958, s. 149).

Когда готовили табак, тоже обращались к Чохрынь-ойке – человек брал чашку с табаком в руку,

поднимал ее вверх и, поворачивая в разные стороны, говорил: «Чохрынь-ойка, нюхай, нюхай, готовь табака еще больше! Пусть крепким будет так, чтобы, кто ни нюхал, заплакал!» (*ibid.*).

Обращались к Чохрынь-ойке и в случае, когда олень терялся в лесу. При этом хозяин дома делал на ручке своего узкого ножа три зарубки, чтобы изобразить лицо (глаза и рот) духа-покровителя, а затем

Небольшие мансийские деревни расположены в Березовском районе ХМАО–Югры по берегам Северной Сосьвы и ее притока Ляпина

наворачивал вокруг лезвия и ручки красную ленту таким образом, что оставался видимым лишь кончик острия. Этот нож втыкали в заднюю (священную) стену комнаты и оставляли на семь дней, независимо от того, находился олень или нет. Тогда же нужно было пообещать божеству жертвенный платок, деньги, еду или бутылку водки. Сукно и деньги посылали в Усть-Тапсуй к хранителю святилища Чохрынь-ойки, а также приносили жертву духу-покровителю и у задней стены дома, при этом нож втыкали вертикально в стол, рядом ставили бутылку водки и тарелку с мясом; одновременно просили, чтобы Чохрынь-ойка привел потерянного оленя домой. Если жертвенного стола не было, то бутылку водки и тарелку с мясом ставили на крышу жилища (*ibid.* s. 149–150).

К «Ножу-Старику» обращались также с просьбой об удаче в охоте:

Над мысом с высоты озерного лебеда,

над мысом с высоты обского лебеда,

Обворожительный, с семью ножами,

принимающий кровавую жертву,

Обворожительный, с шестью ножами,

принимающий в жертву пищу!

Одежду свою, продуваемую ветром,

набрось на плечи, одетые в соболи,

шапку свою, продуваемую ветром,

возложи на свою голову с семью косами,

опояшься поясом, промоченным дождями!

Амбарчики, отслужившие свой век. 1990 г.

Многочисленные твои сыновья, схватившие стрелу, молят тебя,

многочисленные твои сыновья, схватившие лук, плачут мучительным плачем, обращаясь к тебе.

Твой Верховный дорогой отец определил тебя быть мощью земли,

твой Верховный дорогой батюшка определил тебя с твоими семью ножами

принимать кровавую жертву (*ibid.* s. 151).

К началу XXI в. сохранилось три священных места почитания Чохрынь-ойки: на восточном склоне Урала, в устье р. Тапсуй и на Большой Оби выше д. Вежакары.

Святилище Чохрынь-ойки и Нер-ойки на озере Турват

Озеро Турват (Ялбынь-тур, Ялпынг-тур, «Святое озеро») находится у восточных склонов Уральских гор; здесь начинается исток Малой Сосьвы, которая, сливаясь с Большой Сосьвой, превращается в одну из центральных водных магистралей Нижнего Приобья – Северную Сосьву. Появление оз. Ялпынг-тур относится к наиболее ранним событиям в мифологической истории манси и связано с легендой о происхождении земли. Считалось, что Уральские горы находятся на том месте, куда бросил с неба свой пояс с пуговицами верховный бог Нуми-Торум. Реки же прокладывали виткуль виткась (под этим термином обозначался мифический мамонт, способный рогами прорывать землю). Два виткуля рыли Сосьву: виткуль эква пошла по Ляпину, а виткуль ойка – до вершины Сосьвы, где вырыл два озера, в том числе Ялпынг-тур.

Озеро издавна принадлежало роду манси Сампильгаловых. В обычное время ловля рыбы разрешалась здесь лишь «на котел», т. е. на дневное пропитание; массовый лов рыбы мог производиться только в тяжелые голодные годы по решению всего рода.

В 1990 г. нам с И. Н. Гемуевым удалось посетить одно из уникальных уральских святилищ – культовое место Нер-ойки и Чохрынь-ойки. Озеро Турват в ширину достигает километра, но далеко разбегается в длину, так что его правый край уже теряется за тонкой полоской леса. На другой стороне открывается красочная панорама Уральских гор, куда в летний период уходили со своими стадами оленеводы.

Встретивший нас берег оказался болотистым, пришлось часть пути прыгать по кочкам, затем тропинка стала посуше, а лес пореже, и некоторое время спустя сквозь стволы деревьев мы увидели первый амбарчик, стоявший на одной опоре: домик покосился и был готов упасть. Амбарчиков (*сумьяхов*) оказалось три, с десятков метров отделял один от другого, и было хорошо заметно

Действующий амбарчик Нер-ойки и Чохрынь-ойки. 1990 г.

их возрастную разницу. Два первых оказались пустыми. Остановились и развели костер у третьего.

Сумьях был установлен на кедровом пне и выполнен из колотых плах, на четырех углах строения были прибиты вертикально установленные столбы, причем на макушках передних были вырезаны личины злых духов менквов. Передняя стенка амбарчика с небольшим квадратным оконцем в середине одновременно выполняла и роль дверцы, удерживаемая поперечной тонко выструганной палкой, продетой сквозь отверстия в боковых стенах. Рядом на траве лежало бревно с выемками, служившее лестницей.

Слева от амбарчика на четырех опорах стоял стол, в пяти метрах от него виднелось кострище.

Оказавшись на месте, наш проводник В. П. Самбиндалов разжег костер, зажег от него еловую ветку и трижды провел ею круговыми движениями под сумьяхом – «очистил» его. Затем он приставил бревно с зарубками к крыльцу амбарчика, поднялся по бревну и, убрав поперечную жердочку, открыл дверь.

Внутри домика у задней стенки «сидели» две фигуры, обе в красно-черных островерхих шапках с кисточками;

их тулова были образованы несколькими халатами, обернутыми множеством платков светлых тонов. Платок, надетый на шапку, выделял «лицо» духа-покровителя. Левая фигура – Нер-ойки – имела лицо круглой формы, а правая – Чохрын-ойки – лицо вытянутой овальной формы. Длина фигур составляла около 60 см, диаметр голов – около 20 см.

Помимо фигур в амбарчике находились свертки из подаренных платков, шапки, а перед Чохрын-ойкой лежало несколько ножей с деревянными ручками; сразу за дверцей стояли стопки.

Проводник налил водку и поставил ее духам-покровителям и костру (огню). Затем, смочив еловую ветку водкой, махнул ею в сторону открытого входа в сумьях, сделав это трижды (стопок было три). Духов держали, чтобы не болеть. Если болеть начнешь, сюда придешь, угощение сделаешь, боль снимет. Чохрын-ойка – главный хирург (В. П. Самбиндалов).

Нер-ойку и Чохрын-ойку вынимают раз в семь лет, когда меняют сумьях, происходит это весной и обычно амбарчик далеко от предыдущего не передвигают.

Стоявшие по бокам амбарчика деревянные фигуры манси называли *арась-овыл-менкв-ойка* (букв. «края очага менкв-старик») – это сторожа; когда духи-покровители уходят по своим делам, то менквы остаются сторожить жилище. Каждый человек, впервые попадавший на это святилище, должен был вырезать на дереве изображение менквы.

После традиционной совместной трапезы – *пурлах-тын*, во время которой угощение в первую очередь было

В. П. Самбиндалов с сыном на святилище. 1990 г.

Нер-ойка и Чохрын-ойка в амбарчике. 1990 г.

поставлено духам, И. Н. Гемуев еще долго продолжал расспрашивать хранителя места об особенностях обряда посещения, а я фотографировал амбарчики, снимал их размеры, рисовал план ритуальной площадки. Наконец дверцу установили на место, положили лестницу и двинулись в обратный путь.

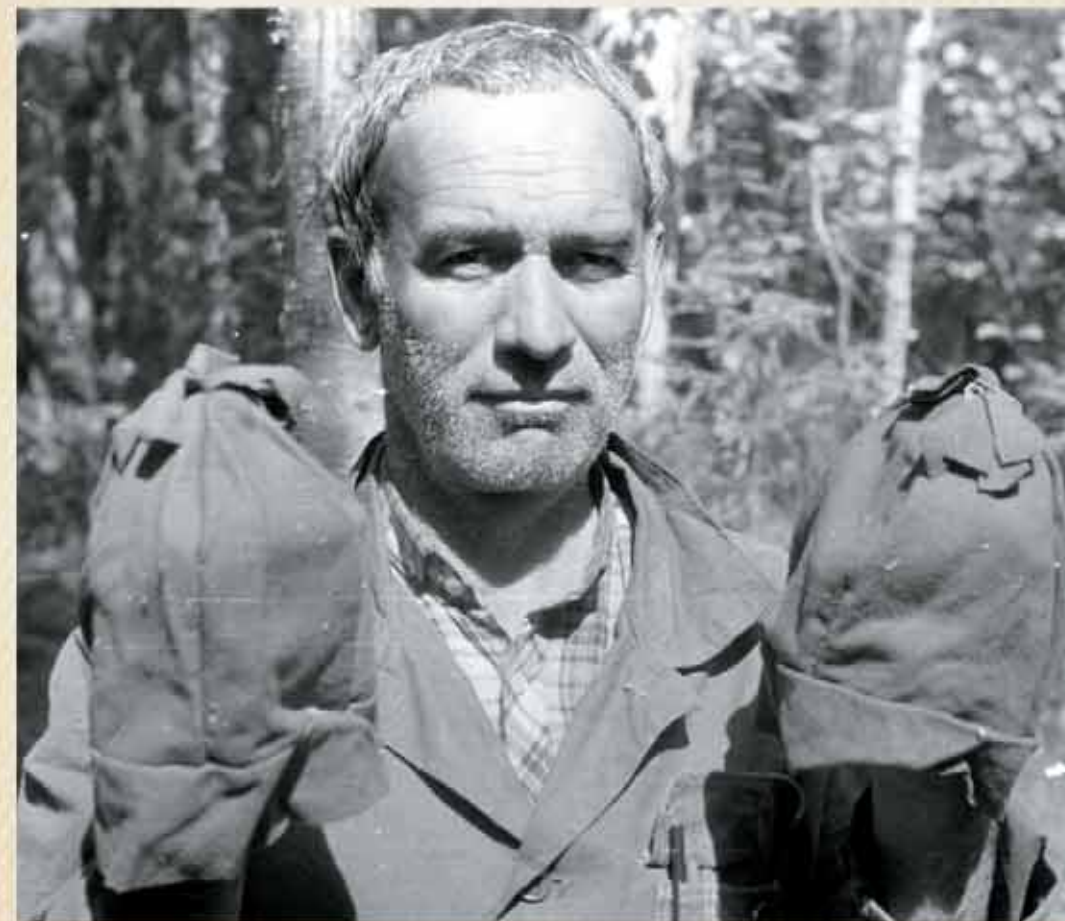
***

В XIX в., по-видимому, у каждого из указанных персонажей было свое святилище, но располагались они в одном районе. А. Каннисто писал о том, что на севере верхнего течения Сосьвы есть большое оз. Ялпынг-тур, которое расположено рядом с горой Ялпын-Нер «Священный Урал», где и проживает дух-покровитель Нер-ойка «Урал-старик». Подниматься на эту гору было запрещено, и люди, пытавшиеся это сделать, погибали. Рыбу на озере могли ловить только мужчины, при этом пойманную рыбу употребляли в пищу и женщины (*ibid.* s. 151).

Во второй половине XIX в. другое святилище на оз. Ялпынг-тур было связано с именем Чохрын-ойки,

И. Н. Гемуев и проводник В. П. Самбиндалов. 1990 г.

И. Н. Гемуев с шапками – подношениями божествам. 1990 г.

который считался покровителем охоты и промысла зверя. На гору Ялбынь-нер никто не смел подниматься под страхом смерти, но когда божество находилось в добром духе, оно сгоняло с вершины горы зверя вниз, давая богатый промысел охотникам. Если зверя было мало, вогулам приходилось приезжать к хранителю священного места и приносить Чохрынь-ойке кровавые жертвы. Путники, проезжавшие мимо горы, обязательно останавливались, чтобы поклониться местному божеству. Бросали кусок мяса, выливали несколько капель водки, а завернутую в бересту серебряную монету клали под ствол дерева. Совсем бедный человек мог вырвать из своей малицы клок шерсти, чтобы укрепить его на стволе сосны. Каждые три, семь и двенадцать лет Чохрынь-ойке приносились общественные жертвы. Со всего края собирались вогулы, остяки и даже самоеды, принося в жертву десятки оленей. Хранитель места одновременно являлся и казначеем своего божества, нередко давая в долг нуждающимся соплеменникам деньги

или ценные шкурки, хранящиеся в священном амбарчике (Носилов, 1904, с. 79–82).

К. Д. Носилов описал показательный случай с вогулом Семеном Салбанталовым (искаженное – Самбиндаловым) при уплате им ясака: «Вынув пачку, завернутую в бересто, он подал последнюю писарю... Из бересто посыпалось старое серебро.

– Ты это где взял столько серебра? – закричал на него старшина.
– У шайтана, – прошептал вогул, – у Чохрынь-ойки...

Оказалось, что вогул, не имея денег, сходил к шайтану Чохрынь-ойке, под наблюдением шамана развязал несколько платков, в узлах которых оставляют серебро его поклонники, и взял его на уплату ясака» (там же, с. 196).

В одну из своих поездок на Север К. Д. Носилову удалось принять участие в церемонии жертвоприношения на святилище Чохрынь-ойки. Зимним утром несколько вогулов под предводительством хранителя места и, как считал исследователь, шамана, старика Сопра погрузили на нарты (их было не менее десяти) чугунные и медные котлы, огромные вилки из железа и дерева, таких же размеров таганы и подвесы и двинулись в путь через оз. Ялбынь-тур к горе Елбынь-нер. Сзади нарт бежали олени, которых собирались принести в жертву.

Через две-три версты прибыли на место и привязали животных к нартам. Впереди шел старик Сопра, который время от времени снимал тонкие синие нитки с на-

Фигура Чохрынь-ойки под навесом. 1989 г.

Семья Анемгуровых – хранителей священного места. 1997 г.

стороженных острыми стрелами громадных луков. Эти луки полностью окружали кедровый бор, так что попасть на место можно было только по тропинке, известной одному хранителю.

В центре поляны стоял деревянный амбарчик на двух опорах, с оленьими рогами на крыше. Вогулы трижды упали на колени, обращаясь с молитвами к божеству. По приставленному бревну с затесами вместо ступеней старик Сопра поднялся к дверце и открыл ее. Вогулы с молитвами опять опустились на колени, затем поднялись и молча смотрели на фигуру божества.

Внутри амбарчика находилась фигура Чохрынь-ойки в мехах, шарфах и опоясках; на ее голову были надеты три островерхние шапки из черного, красного и синего сукна, украшенные медными бубенчиками. Лицо оказалось деревянным, нос был обозначен грубым сучком, глаза – свинцовыми пулями. Вокруг идола стояло с десятков маленьких деревянных крашеных и позолоченных чашек, в одни были положены крендели, в другие – пряники и белый хлеб. По углам лежали десятки сломанных ножей; по стенкам амбарчика были развешаны шкурки бобров, темно-бурых лисиц, соболей, белок и росомах. Фигура духа-покровителя представляла собой деревянный кол с вырезанным на конце лицом, ушами и руками в виде палочек, ног не было. Шея идола была обмотана массой шелковых платков, в углах которых были завязаны серебряные екатерининские и более поздние монеты. Меховой халат из соболей также был увешан платками, лоскутами парчи и кусками материй всех цветов. Отовсюду сыпалось серебро, включая монеты разного достоинства и старинные ажурные маленькие чашечки, на дне одной из которых были изображены драконы и какие-то чудовищные птицы и звери, напомнившие К. Д. Носилову искусство Египта и Персии. Старик Сопра подарил исследователю монету достоинством в 20 коп. с изображением Екатерины II, сказав при этом, что отныне всякие зверь и птица обязательно будут попадаться ему на пути.

Жертвоприношение происходило неподалеку от амбарчика. У костров были уже готовы котлы с таявшим снегом. Когда оленей поставили перед костром и за перекинутую петлей веревку ухватилось по два человека, старик Сопра вдруг запел громким голосом. Вогулы также стали кричать, одни из них давили оленьей веревками, другие пускали в них стрелы. Туши разделали, мясо очутилось в котлах, а сердце, почки, уши, мозг и печень были положены в чашки. Лакомство облили кровью и понесли Чохрынь-ойке, впереди с маленькой чашкой шел старик Сопра. Завидев идола, вогулы с криком упали на колени и завывали диким, отчаянным голосом. Старик первым полез по лесенке в амбарчик и поставил перед фигурой чашку, за ним последовали и все остальные, после чего все опять упали на снег, продолжая громкие молитвы. Затем шкуры убитых оленей повесили на жерди рядом с амбарчиком, старик вновь читал заклинания и взмахивал руками, вогулы то повторяли за ним, то падали и молча лежали на снегу. Вернувшись на жертвенную площадку, вогулы устроили ужин, поедая сварившееся мясо (там же, с. 86–95).

Святилище Чохрынь-ойки в Усть-Тапсуе

Деревня Усть-Тапсуй находится на правом берегу Северной Сосьвы в месте впадения в нее правого притока – р. Тапсуй. В конце XIX в. это был один из крупных мансийских населенных пунктов, который насчитывал 15 хозяйств, объединявших 40 мужчин и 39 женщин. Священное место находится в километре от деревни.

В середине 1920-х гг. здесь побывал начинающий исследователь В. Н. Чернецов, посвятивший описанию увиденного обряда одну из своих первых научных статей (1927, с. 21–25):

«Приведу описание того, как вогул Хуры-Костя принес жертву Чохрынь-ойке, отправляясь в лес

на промысел. Рано утром Хуры-Костя или Хуры-хум в сопровождении жителей поселка отправился к месту обитания божества. Впереди на небольшой лодке ехал человек, везший домашних божков в черном ящике, стоявшем на оленьей шкуре. За ним ехал Хуры-хум со своим сыном и вез белого оленьего теленка, предназначенного в жертву, а также небольшой узелок с домашними божками. Сзади на нескольких лодках ехали все находившиеся в поселке вогулы и везли котлы, чашки и прочее.

Над Чохрынью-ойкой был устроен двускатный навес, а рядом с ним помост, на котором в берестяных кошелях

хранятся подарки божеству. Задний столб навеса весь утыкан узкими ножами, жертвованными в разное время. Помост был устроен у старой березы, на ветвях которой висело множество оленьих рогов и серая коровья шкура. Справа было расположено большое кострище.

Сам Чохрынью-ойка (узкого ножа хозяин-божество, покровительствующий в охоте и рыбной ловле) имеет вид двухаршинного бревна с заостренным верхним концом, на котором грубо вырезаны нос, рот и глаза. На голове у него был колпак, сшитый из семи полос цветного сукна и опушенный соболем. Туловище его

Фигура Чохрынью-ойки под навесом. 1989 г.

Блюдца с изображением Святого Георгия. 1830-е гг.

Блюдце с изображением оленя, двух охотников, собаки и птицы. 1830-е гг.

было обернуто многочисленными платками и кусками разноцветных материй. В платках и кусках материи в углах завязаны и зашиты деньги...

Раз в год на божке меняют одежды, причем допускаются к этой церемонии наиболее старые и уважаемые люди числом не более трех. Во время переодевания они огораживают божка берестяной ширмой, чтобы никто из посторонних не мог видеть фигурку. Молодым смотреть на эту фигурку не разрешается...

По приезде на место был разведен костер, и в то же время Хуры-хум наложил в деревянную миску масла, баранок, хлеба и поставил ее перед Чохрынью-ойкой. После того как миска постояла перед ним, ее убрали и содержимое съели. На площадке перед помостом положили бревно, на которое сел вогул и принялся ворожить на старой сабле. Сабля висела под навесом, к концам ее привязали полотенце и за его середину левой рукой взялся старик. Сидел он, опершись левым локтем

Фигура Чохрын-ойки под навесом. 2014 г.

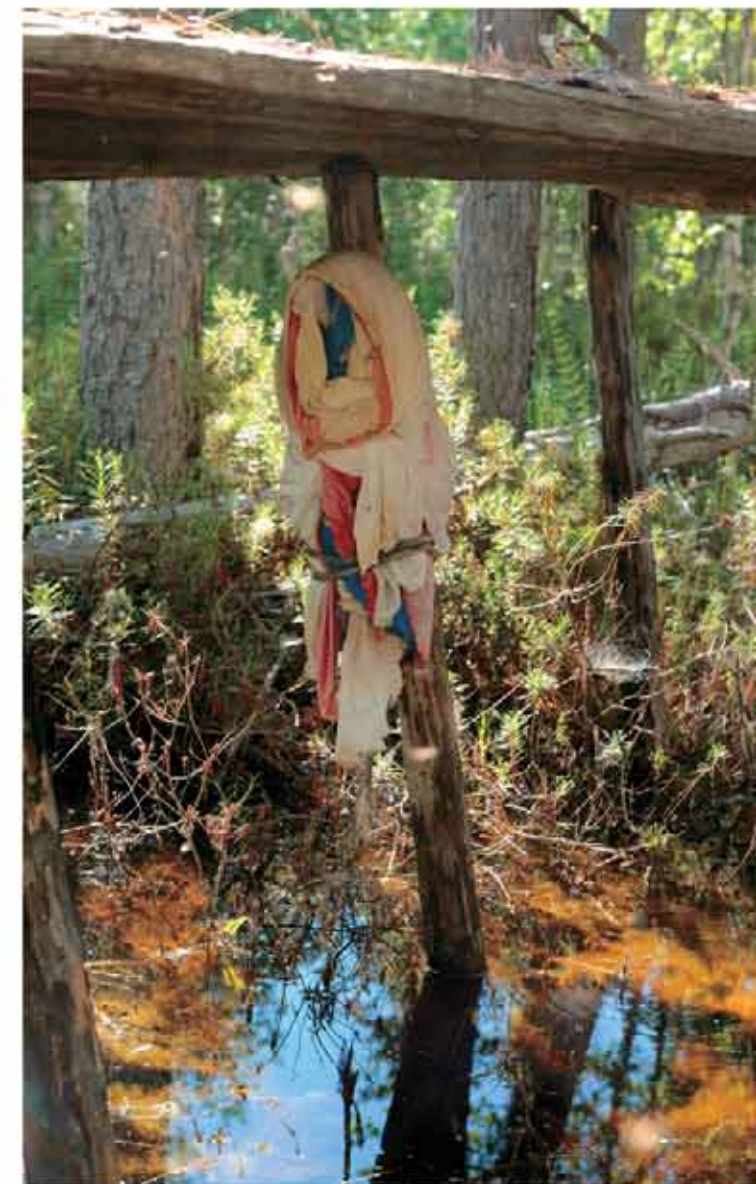
А. Т. Дунаев с фигурой домашнего духа-покровителя. 1997 г.

на колени. Через некоторое время рука его начала судорожно подергиваться, а затем подергивание передалось на все тело. Сообразно с этим качалась и сабля.

Поворожив таким образом минут десять, вогул объявил ответ Чохрын-ойки, благоприятный для Хуры-хум, что предстоящая охота принесет хорошую добычу. После окончания ворожбы на площадку вывели теленка, поставили головой к изображению и Хуры-хум покрыл его платком с завязанными в углах монетами. Справа от теленка встал другой вогул, он оглушил

Фигура сына Чохрын-ойки в священном чемодане. 1997 г.
Внизу – фигура Чохрын-ойки под навесом. 2014 г.

теленка ударом обуха между рогов, после чего Костя заколол его ножом в сердце.

Теленку дали немного полежать перед помостом, а затем, оттащив его в сторону, принялись свежевать. Часть мяса – ребра, ноги, печень, легкое и горло съели сырым, а все остальное положили в котел, который к тому времени был подвешен над огнем. Когда мясо сварилось, его выложили в миску и поставили перед Чохрын-ойкой, где оно простояло минут десять. В это время все присутствующие молча встали перед

Проводники В. Филиппов и А. Костин на священном месте Чохрынь-ойки. 2009 г.

Подношения Чохрынь-ойке – воткнутые в ствол лиственницы ножи. 2009, 2014 гг.

помостом, наклонив голову: женщины стали сзади всех, опустив на лица платки.

После того принялись за еду и, вторично постояв перед помостом, стали собираться в обратную дорогу, двинувшись в том же порядке, как приехали сюда».

***

Сегодня в Усть-Тапсуе жилым остается один дом, где проживает один из представителей некогда большой семьи Анемгуровых. Нам удалось побывать на святилище трижды: в 1989, 2007 и 2014 гг.

Оно находится на поляне, окруженной густым ельником. В 1989 г. к высокому тонкому пню под навесом была привязана фигура Чохрынь-ойки, выструганная из цельного куска дерева длиной около 60 см и завернутая в белые платки с завязанными в углах монетами. В этот же пень были воткнуты шесть но-

жей, еще семь ножей – в ствол рядом растущей ели. Лезвия ножей были обмотаны белыми тряпицами ткани с монетами на концах. Жилище божества в виде навеса, возможно, неслучайно, ведь одна из ипостасей Чохрынь-ойки – стрекоза, которая живет на открытых пространствах.

Метрах в ста от навеса в траве виднелись остатки старого Чохрынь-ойки, который был описан В. Н. Чернецовым. К нашему приходу помост уже давно упал. В сосну, стоящую рядом с ним, было воткнуто более 50 ножей, множество ножей находилось и на сохранившейся опоре, где раньше висела фигура духа-покровителя. На досках помоста лежали два берестяных кузова, наполненных сгнившими жертвенными платками. В одном из них находились две антропоморфные фигуры, лица которых были обозначены металлическими блюдами выпуска 1830-х гг. с изображениями Св. Георгия. Здесь же лежало еще одно блюдо того же времени с фигурой оленя.

По словам проводникам И. В. Анемгурова, к Чохрынь-ойке приходили в случае болезни и обязательно приносили ему нож. Кроме этого, духа-покровителя посещали перед новолунием; раз в два года совершалось жертвоприношение оленя или коня.

В 2007–2014 гг. святилище продолжало функционировать на том же месте, но в центре площадки

Священное место Чохрынь-ойки на Оби. 2009 г.

на четырех сосновых столбах был установлен новый навес из колотых плах со скатом назад. В середине под навесом был вкопан еще один столбик, к которому веревками привязана фигура Чохрынь-ойки, завернутая в белые платки с завязанными в углах монетами.

Перед действующим навесом лежит упавший навес; в трех метрах далее расположено кострище. В стволы двух растущих рядом деревьев воткнуты ножи – приношения божеству. Ручки большинства ножей – деревянные, лезвия – узкие, железные. Здесь же воткнуты перочинный ножик, половинка ножниц, ножи с пластмассовой и деревянной фабричной рукоятками. Лезвия ножей обмотаны белыми тряпицами с монетами на концах.

Заметна некоторая заброшенность святилища, выражающаяся, в частности, в подгнивших лоскутах материи, образующих одежду божества.

Интересно, что в бассейне Тапсуя в д. Тимка-пауль у манси Дунаевых хранится фигура семейного духа-покровителя в образе сына Чохрынь-ойки. Она выполнена из разноцветных платков: получившаяся таким образом одежда подпоясана желтым шерстяным шнуром; голова в розовой шапочке, глаза и рот выполнены из металлических пуговиц с серпом и молотом, нашитых на черную ткань. В жертву этому духу-покровителю приносили оленя, убивая его прямо в комнате: «На кровать стелим оленью шкуру, на нее ставим чемодан. Вытаскиваем из чемодана платки, на спину оленю кладем, молимся. Кланяемся семь раз, поворачиваемся один раз по солнцу, все молча, шуметь нельзя, женщины стоят чуть в сторонке, близко не подходят. Потом платки убираем и убиваем оленя. Кровь животного при этом не должна пролиться на пол: после разрезания шкуры хозяин кружкой вычерпывает кровь, наливает ее в чашку, в другую кладет кусочек мяса и вместе с рюмкой водки ставит Чохрынь-ойка-пыгу. Если даже ребенок заболел, надо богов просить, чтоб пожалели, – оленя пообещаю забить, чтоб выздоровел, платок в ящик положу. Вырежешь из бересты оленя – как бы жертву приносишь. После жертвы настоящего оленя фигурку берестяную сжигаем» (А. Т. Дунаев).

Священное место Чохрынь-ойки на Большой Оби

Еще одно святилище Чохрынь-ойки расположено в двух километрах от д. Вежакары выше по р. Обь на ее правом берегу на склоне горы Чохрынь-ойка. В 1965 г. здесь побывала Э. П. Соколова, известный московский этнограф. Под высокой лиственницей стоял стол, на который ставили жертвенную пищу божеству. Фигуры Чохрынь-ойки здесь не было, считалось, что он здесь живет, но невидим для людей:

«На высоком лесистом мысу стоит высокая старая лиственница, в которую воткнуто около 150 ножей (иногда вместо ножа приносили иглу, скальпель или ножницы). К каждому ножу привязан лоскуток с табаком (обычное приношение – Чохрынь-ойка любил курить). Чохрынь-ойка “помогает” вылечивать болезни. Ему жертвуют ножи и табак, зимой нож втыкают в стену дома, а весной или летом – в лиственницу. Здесь это уже вторая лиственница, первая засохла, проткнутая ножами. Сюда приезжали ханты и манси из разных мест. Тот, кто для жертвоприношения не мог приехать сам, оставлял приношение в Вежакарах. У нашего информатора было несколько таких ножей, с ними он и пришел к Чохрынь-ойке. Женщины к самой лиственнице обычно не подходили, а разводили костер на берегу реки. Мужчины разводили костер недалеко от дерева. Около лиственницы стоит деревянный стол, на него кладут угощение и ножи, принесенные с собой. В стакан жертвователю наливает вино Чохрынь-ойке, оно некоторое время стоит на столе, потом его выпивают. Питье сопровождается обращением к Чохрынь-ойке

с просьбой об исцелении. Затем нож втыкают в дерево. На горе Чохрынь-ойка нельзя ломать деревья, рвать траву» (Соколова, 1971, с. 220–221).

Мы побывали на святилище в 2009, 2010, 2014, 2015 гг. На склоне горы в высокую лиственницу воткнуты ножи – подношения божеству. Основная часть ножей (а также скальпелей, ножниц) воткнута в ствол дерева на высоте 1,0–1,5 м от земли, несколько ножей воткнуты значительно выше: раньше было поверие, что обязательно нож нужно воткнуть выше предыдущих. «Раньше было, что друг на друга вставали – кто выше воткнет. А эти все ножи – я даже помню, кто привозил. Бабушки посылали. За кого-то, кому-то плохо. Кузнец, он как бы здоровье кует. Чтобы здоровье больше было, сюда ездят.

Приходят к лиственнице довольно часто: как редкие жители Вежакар, так и многочисленные проезжающие

Подношения Чохрынь-ойке – воткнутые в ствол лиственницы ножи. 2009, 2014 гг.

по реке. Как часто здесь бываете? Ну, раза три, четыре, пять за год. Ну не мы только, люди бывает приезжают. Сами по себе приезжают. Вот мы тут были 7 июня, а после нас тут кто-то был, в деревню они не заезжали. Осенью были прошлый год, в сентябре. Вот я за прошлый год два раза ездил. У нас как: если человеку плохо, кто болеет или дети заболеют. Он как кузнец, кузнец здоров. Дед сюда обычно махорку приносил» (В. Филиппов).

При посещении священного места около лиственницы ставится угощение, а в ствол дерева втыкают принесённый нож, рукоять которого обмотана куском жертвенной ткани.

Таким образом, мы имеем достаточно подробную информацию о трех святилищах Чохрынь-ойки: на оз. Турват, в Усть-Тапсуе и у д. Вежакары. В первых двух случаях полученные сведения относятся к разным хронологическим периодам (конец XIX в. и 1990 г.; 1926 и 1989–2014 гг.). По информации В.Н. Чернецова, духи-покровители на оз. Турват и в Усть-Тапсуе являлись братьями; общими для них

были функции покровительства в охотничьем промысле, оленеводстве, рыбной ловле, излечении от болезней, а также яркий отличительный атрибут приношения – нож с лезвием, обмотанным куском ткани. Ритуальная площадка практически всегда включала стол, жерди для жертвенных шкур, кострище и деревья с воткнутыми в их стволы ножами. Следует отметить и широкую известность этих мест во всем бассейне Северной Сосьвы, которая приводила к обычаю передавать подарки Чохрынь-ойке через хранителей посвященного ему культового места.

Тем не менее каждое святилище имело специфические признаки. По-разному (и в разное время) выполнялась фигура центрального персонажа: чаще это антропоморфное деревянное изваяние (Турват, конец XIX в., Усть-Тапсуе, 1989–2014 гг.), реже – выполненное из ткани (Турват, 1990 г.). Иногда оно вообще отсутствует (д. Вежакары). Уральское Чохрынь-ойку выделяют более ярко выраженные функции охранителя оленеводства.

Представлены два типа жилища Чохрынь-ойки: дощатый амбарчик и навес (о причинах сооружения

последнего говорилось выше). Ряд признаков позволяет относить Чохрынь-ойку к категории лесных духов: украшение боковых стоек амбарчика на Турвате личинами менквов, изготовление фигуры Чохрынь-ойки в Усть-Тапсуе (1926 г.) наподобие деревянного изваяния менква; центральное место, отведенное лиственнице (дереву менква) на святилище в Вежакарах; упоминание в преданиях Чохрынь-ойки среди лесных духов, осуществляющих суд.

Подводя итог, необходимо отметить, что Чохрынь-ойка являлся одним из наиболее популярных персонажей среди пантеона мансийских богов и духов-покровителей, о чем свидетельствуют массовое изготовление его фигур (или его сына) и хранение их на поселковых и домашних святилищах. Причиной популярности культа Чохрынь-ойки были присущие ему функции охраны наиболее значимых занятий манси – охоты, оленеводства и рыболовства, а также его широко известное лекарское мастерство.

Литература

Бауло А.В. Священные места и атрибуты северных манси в начале XXI века. Этнографический альбом. Ханты-Мансийск. Екатеринбург: Баско, 2013. С. 208.: ил.

Гемуев И.Н., Бауло А.В. Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. Новосибирск: Изд. ИАЭТ СО РАН, 1999. С. 240.

Носилов К.Д. У вогулов. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1904. С. 255.

Соколова З.П. Пережитки религиозных верований у обских угров // СМАЭ. 1971. Т. 27. С. 211–238.

Чернецов В.Н. Жертвоприношение у вогулов // Этнограф-исследователь. Л., 1927. № 1. С. 21–25.

Kannisto A., Liimola M. Materialien zur Mythologie der Wogulen // MSFOu. Helsinki, 1958. Vol. 113. S. 444.

Подношения Чохрынь-ойке – воткнутые в ствол лиственницы ножи. 2009, 2014 гг.

Озеро Турват. 1990 г.

В публикации использованы фото автора

